

ВЫБОР

Почему люди идут в геологи? Однозначно ответить на этот вопрос удастся едва ли, ведь история каждого представителя этой профессии индивидуальна. Галина Кириллова, без нее написание этого материала не было бы возможным, в юности мечтала стать актрисой, но не сложилось. Окончив школу, она задумалась о том, что могло бы ее заинтересовать. Геология звучала романтично. В государственном университете Ростова-на-Дону, где училась Галина Леонтьевна, была огромная аудитория, где регулярно проходили праздничные вечера, посвящение первокурсников, а также встречи со старшекурсниками. «Я помню, как слушала доклады на конференциях, и у меня горели глаза. А потом подружилась с ребятами со старших курсов, которые тогда только вернулись с практики. Еще я сразу же записалась в конную секцию. Думала, как же так: мне геологом быть, а я лошадей боюсь. Так что сразу поняла, что оказалась в правильном месте, и до сих пор счастлива»

Галина Кириллова – заслуженный деятель науки, доктор геолого-минералогических наук. Родилась в Перми, в 1961 году окончила геолого-географический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета. Свою трудовую деятельность начала как геолог-съемщик на Дальнем Востоке.

ГАЛИНА ЛЕОНТЬЕВНА, КАК ВЫ ОКАЗАЛИСЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ?

Сюда приехала в 1959 году на практику. Выпускники нашего университета разъезжались по стране кто куда. И я тогда сказала: «Кто дальше всех заберется – присыпайте мне вызов на практику». У нас полевая практика была до трех месяцев. И двое ребят попали на Дальний Восток. Конечно, ни о нефти, ни о газе речи тогда не шло: моя практика проходила в междуречье Левой и Правой Буреи: там, где не ступала нога человека, а только медведи. Забегая вперед, скажу, что восемь лет я работала в геологических партиях на Дальнем Востоке – это колоссальная школа, потому что там ты должна знать все, всю геологию. Сначала у нас был общий маршрут по реке Бурее, где рассказали, что и как называется, какие породы – начальник партии всех обучал. За него я потом вышла замуж и вот осталась здесь.

ЧТО ЗАСТАВИЛО ВЕРНУТЬСЯ?

Я замуж вышла за начальника партии. Помню еще, во время одной из экспедиций мы нашли фауну. Это там, где и не надо фауну искать. А мы нашли зоны, где метаморфизованные породы переходят в слабометаморфизованные. И собрали всю геологическую колонку. И эту фауну нужно было отсыпало специалистам. Я предложила отправить к нам, в ростовский университет.

ЧЕМ ИНТЕРЕСЕН НАШ РЕГИОН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕОЛОГИИ?

Это зона сочленения двух огромных объектов. Это континентальная окраина, восточная, и Тихий океан рядом. На протяжении всей истории происходило взаимодействие: береговая линия то сдвигалась, то начинались дислокации – сминались толщи, потом все опять стекало и образовывался такой спокойный шельф. Геология здесь очень интересная. Неспроста ведь из Москвы, из Санкт-Петербурга, из Новосибирска сюда специалисты постоянно приезжают. И очень специфические месторождения здесь: для науки интересно и для практики тоже. Появляются новые типы месторождений. Раньше на зеленые туфы, например, не

обращали внимания, а сейчас японцы обнаружили, что в их формации находятся интересные полезные ископаемые.

ВЫ ПОБЫВАЛИ В 52 СТРАНАХ. ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ НАШИ ТЕХНОЛОГИИ ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ?

У них самые передовые методы. Тот же Китай: я с ними дружи давно, где-то каждые три года там бываю – приглашают на совещания. У нас, например, один из дорогостоящих анализов – определение абсолютного возраста пород. Мы можем позволить себе только две-три пробы отправить в Иркутск или Санкт-Петербург – там определяют. У них это можно определять сколько хочешь. В Цзилиньском университете у них своя лаборатория: всё оборудовано по последнему слову техники. Для моделирования там выделена огромная территория: они моделируют, как образуются вообще породы.

В КАКОЙ ИЗ СТРАН ВАМ ПОНРАВИЛОСЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

Экзотика мне понравилась: Тибет – «крыша мира». Мне довелось побывать и в морских экспедициях: был у нас очень интересный рейс с заходом на Гавайи. Это было незабываемое зрелище: посмотреть извержение вулканов и видеть, как потоки лавы текут – как слоеный пирог. А на Тибете – сплошная обнажённость. Там видны разломы, интрузивные тела – это просто сказка: фотосъёмка доступна, поэтому, если мало времени, то можно всё снять, а потом интерпретировать. У нас же очень сложный район, лесов много.

ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ ЧТО-ТО, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ БЫ СДЕЛАТЬ?

Сейчас у нас с коллегами общая цель – шесть книг. Поскольку геологические исследования сокращаются, то мы стараемся собрать воедино и изложить то, что уже известно. В 2002 году с коллегами начали работать над монографиями «Осадочные бассейны Востока России». Мы решили собрать все данные морских и наземных геолого-геофизических исследований бассейнов: проанализировали, обобщили. Здесь же и перспективы нефтегазоносности, и оценка ресурсов нефти, газа и угля. Четыре тома уже есть. Вот осталось еще два.